

DOI 10.5862/JHSS.251.4
УДК 94(47).083

Н.А. Портнягина

В.Г. КОРОЛЕНКО И Ф.В. ФИЛОНОВ: К ИСТОРИИ ОДНОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Статья посвящена крайне актуальной и малоизученной в отечественной историографии проблеме формирования общественного мнения о революционном терроре в Российской империи в период революции 1905–1907 гг. Рассмотрено его влияние на размах террора на примере освещения полтавской прессой сорочинских событий конца 1905 г. Используются хронологический, историко-типологический, историко-генетический и сравнительный методы исследования. Хронологические рамки исследования ограничены 1905–1907 гг.: от момента возникновения крестьянского восстания в Сорочинцах, положившего начало информационной войне в прессе между либеральными и консервативными публицистами, и до появления статьи В.Г. Короленко в «Русском богатстве», положившей ей конец. Историко-типологический метод позволяет проанализировать отношение к сорочинским событиям со стороны российской общественности, дать классификацию основных точек зрения на действия власти и террор, представленных в полтавской периодической печати. Статья написана на основе архивных документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, а также материалов периодической печати того времени. В работе впервые реконструируются обстоятельства, вызвавшие к жизни статьи В.Г. Короленко «Открытое письмо статскому советнику Филонову» и «Сорочинская трагедия». Показано, что полтавская либерально-демократическая печать использовала эти события в информационной войне против власти: факты революционного движения ею скрывались, жестокость же власти в процессе его подавления преувеличивалась. Печать революционизировала край, способствовала размаху террора и мало помогала становлению правового государства. Талантливая публицистика В.Г. Короленко, направленная на борьбу с «беззаконием», в действительности не смогла преодолеть этих установок либерально-демократической печати. Консервативная публицистика, включившаяся в информационную войну на стороне власти, пытаясь более объективно освещать события, проигрывала левой печати в борьбе за общественное мнение. Материалы статьи могут быть использованы в процессе преподавания истории России в высшей и средней школах.

В.Г. КОРОЛЕНКО; Ф.В. ФИЛОНОВ; «ПОЛТАВЩИНА»; ТЕРРОР; СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ; СОРОЧИНЦЫ; КОНСЕРВАТИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ; ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*
Тютчев

Публицистические статьи В.Г. Короленко «Открытое письмо статскому советнику Филонову» [1] и «Сорочинская трагедия» [2] хорошо известны филологам и историкам. Трагические обстоятельства, изложенные в них, упоминаются во всех изданиях биографии знаменитого писателя [3, 4] и даже в школьных учебниках и

пособиях, прежде всего в изданных на Украине в советское время и в наши дни [5, 6]. Однако события конца 1905 г., произошедшие в селе Большие Сорочинцы, воспетом Н.В. Гоголем, были освещены Короленко однобоко, а исследователи, обращаясь к этому материалу, опирались в основном на тексты писателя.

Трактуются они в историографии по-разному: то как восстание, то как собрание невооруженных крестьян [3, 4]. Существует лишь одно исследование [7], проливающее свет на историю появления этих работ Короленко, но и оно содержит много неточностей и сомнительных утверждений. Между тем материал, связанный с выходом в свет этих статей писателя, крайне любопытен, причем не только для изучения биографии В.Г. Короленко. Этот материал дает нам представление об особенностях формирования общественного мнения в России в период революции 1905–1907 гг. и о его влиянии на размах революционного террора, который буквально захлестнул страну, об особенностях ведения информационной войны либерально-демократической интеллигенцией и властью, о роли печати в процессе формирования общественного мнения. Именно этим малоизученным в отечественной историографии проблемам и посвящена данная статья. Материалы для нашего исследования отложились в отделе рукописей РГБ, в фонде В.Г. Короленко, который тщательно собирал все материалы, связанные с делом Ф.В. Филонова. В фонде есть заверенные копии протоколов допросов свидетелей по этому делу, многочисленные письма к Короленко, касающиеся этой проблемы, газетные вырезки и пр.

В конце 1905 г. революция в России достигла своего пика, власть едва справлялась с ситуацией. В Полтавской губернии начались серьезные крестьянские беспорядки. Губерния была многолюдная: к концу XIX в. там проживало около 3 млн человек, а земли приходилось по 1,57 десятины на каждую душу [8, с. 3]. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, раздавались призывы к захвату земель. В приговорах сельских сходов крестьяне требовали созыва Учредительного собрания, земли, уничтожения полиции и пр. [9, с. 294]. Власть опасалась, «что крестьяне этой губернии постановят приговоры об отделении Украины от России на автономных началах и об отобрании частновладельческих земель» [10, с. 54–55]. Полтавский губернатор постоянно просил центральную власть усилить военное присутствие в губернии. Наконец 28 ноября 1905 г. Полтавская губерния была объявлена на положении усиленной охраны [9, с. 296].

Основными возмутителями спокойствия в деревне стали агитаторы революционных

партий. Так, кременчугский комитет социал-демократической партии отправил в Миргородский уезд Николая Пыжова, которому было всего лишь 18 лет, но он оказался талантливым оратором, способным держать под контролем многотысячную толпу. Местные сорочинские революционеры подготовили почву для встречи приезжего оратора, поэтому в селе его ждали «как мессию», полагая, что он всё объяснит. Когда же Н. Пыжов прибыл в Сорочинцы, крестьянин А. Духовный распространил слух, что он брат государя [11]. Сорочинские крестьяне позже вспоминали, что молодой оратор за два-три дня так заставил всех слушать себя, «что всё делалось по его приказу и ничего сделать нельзя было против его влияния» [12, л. 4 об.]. Местный помещик Моргун показывал на суде по сорочинскому делу, что Николай произвел на крестьян потрясающее впечатление. Говорил он речитативом, особой эрудицией не обладал, целью же его речи было «побудить толпу действовать» [13]. Обычно Н. Пыжов делил свою речь на три части. В первой части он объяснял значение свобод, дарованных манифестом 17 октября 1905 г., говорил об истории революционной борьбы народа, о «преступлениях царского правительства... его бездарности, продажности и жестокости», во второй давал характеристику губернаторам, исправникам, становым и урядникам и «доказывал, что они могут опять стать гонителями свободы», а в третьей объяснял, как народу «организовать охрану свобод и в случае нужды погнать от себя всех царских чиновников и кровавого царя» [14, с. 14].

Позже Н. Пыжов писал, что «вывести в деревне революцию на улицу» была его первая задача. Для этого молодой революционер собирался создать в селах опорные пункты в виде кружков революционно настроенных крестьян, переизбрать на митингах старые волостные правления, введя в состав новых кандидатов от революционных кружков, а завершить организацию созданием уездного центра, где были бы представлены все волостные кружки и села. Он проводил митинги в Миргороде и в селе Устивица. В Устивице крестьяне выбрали новое революционное правление, закрыли винную лавку, порвали телеграфные провода, соединяющие село с уездным центром, стали подсчитывать количество земли, находящейся у помещиков и кулаков, и уже

«начали вбивать колышки в землю богатеев». Для предстоящей борьбы с казаками испытывали начиненные гвоздями бомбы, сделанные местным учителем [14, с. 7, 22–36, 61]. Казаки прибыли в Устивицу, однако не решились действовать против многотысячной толпы, собравшейся по набату [9, с. 306]. 16 декабря Пыжов выехал в Большие Сорочинцы и выступил там на митинге. Именно это многолюдное село он решил сделать центром революционного движения во всем уезде [14, с. 62], тем более, что там уже был кружок революционно настроенных крестьян [Там же. С. 56]. Поводом к началу сопротивления властям стал арест в ночь с 17 на 18 декабря местного агитатора Г. Безвиконного, который «разъяснял» землякам манифест 17 октября 1905 г., «читал, что в России делается, про погромы, про создание крестьянского союза» [12, л. 29]. П.П. Копитько, старшина Сорочинской волости, говорил позже на допросе: «Казака Безвиконного я хорошо знаю и думаю, что не будь посторонней агитации того „Николая“, то арест Безвиконного прошел бы бесследно, так как общество к нему относилось несимпатично, но этот арест был предлогом для деятельности Николая и лиц, подражавших ему» [Там же. Л. 4].

Н. Пыжову удалось организовать в Сорочинцах настоящее восстание. Был создан народно-революционный комитет, подчинивший себе селян. На здании правления были вывешены красные флаги, закрыты винные лавки, арестованы пристав и урядник, высланы стражники. Оружием восставших стали колья, вилы, топоры, два ружья и решимость не отступить. Николай послал к своим партийным товарищам в Миргород крестьянина с сообщением о том, что село «в руках народа», и с просьбой прислать бомбы [Там же. Л. 19–25 об.]. Местных революционеров вдохновляли и слухи о победе восстания в Москве. Восставшие потребовали от властей освободить Г. Безвиконного. Полтавский губернатор Н.П. Урусов не мог пойти на это. Он не раз сообщал в Петербург о бессилии полиции, о потере ею всякого авторитета у населения, которое оказывает «полное неуважение властям». Урусов просил прислать дополнительные войска в губернию, поскольку не видел другой возможности справиться с пропагандой среди крестьян, «так как население пытается всяким арестам противо-

поставить насилия» [9, с. 309–310]. На этот раз он послал в Сорочинцы помощника миргородского исправника М.П. Барабаша с 82 казаками под руководством полковника А.А. Бородина [12, л. 31 об.]. Перед этим, 15 декабря 1905 г., командующим войсками ряда военных округов, в том числе и Киевского военного округа, Военным министерством был разослан секретный циркуляр о допустимости применения оружия при подавлении революционных выступлений [10, с. 157]. Сорочинцы были полны решимости дать отпор казакам, всю ночь в селе звучал набат, поддерживая тревожное и решительное настроение крестьян. Утром у правления собралось «вооруженное дреколем полчище», по мнению арестованного крестьянами пристава Н.И. Якубовича, насчитывающее 5–6 тыс. человек [12, л. 52]. Н. Пыжов вспоминал, что утром на площади собралась толпа в 1000 человек, оружие крестьяне прятали под тулупами, поэтому с виду выглядели невооруженными [14, с. 120]. Часть крестьян шла сражаться с казаками вполне сознательно, кто-то пришел из любопытства, кто-то потому, что ему велели так сделать. Так, 30-летнему Т.И. Кондратенко было интересно узнать, что это за оратор [12, л. 46 об.]. С.С. Юхно взял с собой вилы потому, что «было сказано всем, чтобы не приходиться с голыми руками» [Там же. Л. 28 об.], а Ф.И. Бут показывал позже на следствии, что «кто-то ему сказал звонить в набат», поэтому он и звонил [Там же. Л. 6 об.]. Кроме того, «населению достаточно было внушено, что земля будет принадлежать только тому, кто выйдет на защиту своих прав, поэтому на площадь, где предполагалась встреча с войсками, вышли и старые, и малые, и мужчины, и женщины, которые вели за собой и детей» [15, с. 26]. Общинная психология заставляла крестьян действовать как один организм.

Помощник исправника М.П. Барабаш был настроен мирно разрешить конфликт, он попробовал договориться с восставшими. Однако Н. Пыжов, который «всем распоряжался», мешал ему пройти к телефону, не давал помощнику исправника говорить, все время его перебивал. Барабаш, понимая, чем может закончиться столкновение, пытался уговорить Пыжова, чтобы тот «не увлекался», объяснял, что «через него может пострадать народ». Революционер ответил ему, что он сам говорит «от

имени народа» [12, л. 3, 12]. Мирно разрешить конфликт не удалось. В результате инициатива оказалась у полковника А.А. Бородина, который решил выполнить приказ губернатора и освободить арестованных. На следствии он и сотник П.А. Щепихин описали свои действия так: после сигнала рожка о стрельбе толпа не разошлась, а «хлынула» на казаков, «стараясь поранить лошадей косами, вилами, стреляя из револьверов». Казаки стали стрелять, люди рассеивались, однако потом собирались вновь, «оставаясь вооруженными», поэтому казаки продолжили стрельбу. Сотник Щепихин послал пять казаков «ввиду вторичных сборищ крестьян в улицах и дворах», чтобы разогнать их, поэтому раненые и убитые сорочинцы оказались не только на площади, но и во дворах. Часть сорочинцев на следствии показали, что некоторые крестьяне оказались убиты во дворах, потому что казаки «гонялись за людьми» [Там же. Л. 17 об.]. Другие утверждали, что эти крестьяне были убиты шальными пулями [Там же. Л. 119, 123]. А.А. Бородин и П.А. Щепихин категорически отрицали, что казаки специально охотились за людьми, убивая их «чуть ли не в собственных дворах», и назвали это утверждение «ни на чем не основанным плодом фантазии» [Там же. Л. 83]. Бежавших не преследовали и потому, что сами казаки страшно «закоченели». Всего в тот день в Сорочинцах пострадали 63 человека, из них 18 погибли [15, с. 27]. Казаки, если не считать нескольких царапин, практически не пострадали, но сорочинцы тяжело ранили М.П. Барабаша, который, не приходя в сознание, умер в местной больнице. Обстоятельства этого убийства так и остались невыясненными. Крестьяне на следствии в один голос уверяли, что не видели, как это произошло. Н. Пыжов во время стрельбы куда-то пропал. В своих воспоминаниях он писал, что прятался от казаков на чьих-то огородах. От смерти Николая спас местный цыган, который вывез его в Устивицу, а оттуда он уехал в Кременчуг [14, с. 150–155].

Таким образом, восстание в Сорочинцах было подавлено, село погрузилось в траур, оплакивая погибших. Однако власть не знала о том, что делалось в селе, руководители восстания не были арестованы, дознание не было проведено. Губернатор решил послать в Сорочинцы советника губернского правления Ф.В. Филонова с отрядом казаков, вооруженным двумя пушка-

ми. Командир отряда подьесаул А.Н. Ончиков показывал на следствии, что цель экспедиции была карательной. Казаки, ожидая нового сопротивления, взяли с собой даже гранаты. Филонов приказал казакам открыть огонь, если они вновь услышат набат [12, л. 84–85]. Возглавлять подобные экспедиции должен был вице-губернатор С.И. Фонвизин, однако он «всячески уклонялся» от подобных командировок [16, с. 275]. Это было вполне понятно. Многим чиновникам, офицерам и полицейским не только руководство карательными экспедициями, но и простое выполнение служебных обязанностей стоило жизни. По неполным данным, в 1905 г. террористами был убит и ранен 591 человек, с февраля по май 1906 г. – 1421 человек, в 1907 г. было совершено 3487 терактов [17, с. 129]. Террористы добились того, что страх стал постоянно действующим фактором в жизни российских чиновников, определяя их поведение. В обществе ходили слухи, что террористы имеют списки, по которым они уничтожают людей. Действительно, боевики на местах стремились избавиться прежде всего от жандармских и полицейских чинов, от членов военно-полевых судов, от наиболее решительных чиновников губернских правлений. Не случайно имена участников военно-полевых судов держались в строгой тайне «с целью не дать возможности революционерам преследовать их из мести» [18, с. 40]. Многие чиновники уходили в отставку или действовали с оглядкой на террористов. Наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков жаловался Николаю II на то, что «многие из лиц судебного ведомства... не находят в себе достаточно мужества к честному и безбоязненному исполнению лежащего на них служебного долга» [19, л. 7].

Советник губернского правления Ф.В. Филонов, по всей вероятности, был человеком смелым. Он решил действовать жестко и даже жестоко, «взять суровый, угрожающий тон» [16, с. 275]. В Сорочинцы он прибыл 21 декабря, закрыл земский телефон, выявил и арестовал зачинщиков мятежа, отправил тело М.П. Барабаша в Миргород. Те же действия он произвел и в Устивице. Поведение казаков Филонов характеризовал как «безупречное»: «никаких насилий и грабежей ими производимо не было, войска во всё время находились под постоянным надзором своих офицеров» [15, с. 27–30]. На деле

же Филонов действовал более жестко, чем описывал в рапорте. Протоколы допроса сорочинцев показывают, что казаки, производя аресты, били задержанных, забирали у них вещи. Еврей А.Х. Готлиб показал, что ночью после ареста его били, сломали руку и забрали у него 500 рублей [12, л. 66–68]. Правда, судебно-медицинское освидетельствование, которое проводил 25 апреля 1906 г. полтавский уездный врач, показало, что перелома руки не было, а побои можно отнести к категории легких [Там же. Л. 69]. Утром 22 декабря Ф.В. Филонов собрал сход крестьян, приказал «всех стиснуть, снять шапки и на колени и держать нас в таком виде до сумерек». При этом он вел себя грубо, некоторые крестьяне были на сходе избиты [20, л. 1 об.].

После этих событий в полтавской прессе началась информационная война. Нужно сказать, что Полтава в начале XX в. представляла собой значительный культурный центр. В городе были Краеведческий музей, театр, на подмостках которого блистали великие В.Ф. Комиссаржевская и М.Г. Савина, а также различные общества. Здесь жили видные представители интеллигенции: основоположник украинского реалистического романа П. Мирный, художник Г.Г. Мясоедов, дирижер Д.В. Ахшарумов [21, с. 328]. В 1900 г. в Полтаве поселился и В.Г. Короленко. В его доме по субботам собиралась либерально-демократическая интеллигенция. 15 октября 1905 г. кружок, близкий Короленко, приобрел газету «Полтавщина». В период революции эта газета занимала леволиберальную позицию. Она получила широкое распространение в губернии. Там публиковались и статьи писателя [22, с. 161]. П.Н. Дурново в докладе императору писал о ней как о газете «весьма крайнего направления» [См.: 10, с. 55]. Оппонентом «Полтавщины» была умеренно-консервативная газета «Полтавский вестник», редактором которой был видный общественный деятель Полтавы Д.А. Иваненко. Короленко отмечал в письме своему товарищу С.Д. Протопопову: «У нас теперь тут две газеты. Одна приличная – „Полтавщина“, другая – прислужническая („Полт[авский] Вест[ник]“). В последнем – главная сила Ф.П. Чеботарёв, мразь изрядная» [23, с. 116].

Именно «Полтавщина» первой стала сообщать о событиях в Сорочинцах. 23 декабря она поместила на своих страницах небольшую замет-

ку, в которой сорочинские события освещались довольно предвзято. О восстании, об агитаторе Н. Пыжове газета не сообщала. Она обвиняла власть в аресте пользовавшегося «доверием и уважением крестьян» оратора Г. Безвиконного, освобождения которого добивались крестьяне. Действия казаков полковника А.А. Бородина изображались как бесправие власти над мирной толпой: «Возмутившись тем, что помощник исправника с казаками на лошадях наступали прямо на толпу, преградили ему дорогу и задержали его лошадь. Помощник исправника скомандовал казакам стрелять... казаки стреляли, топтали, наезжали...» Газета называла и количество убитых и раненных – 100 человек [24]. 1 января «Полтавщина» определила действия Ф.В. Филонова как террор [25]. Консервативный «Полтавский вестник» поместил на своих страницах отчет о событиях в Сорочинцах 5 января. События освещались достаточно объективно: упоминались выступление сорочинцев под красными флагами, заезжий оратор, провал миротворческой миссии М.П. Барабаша, верно называлось и число пострадавших: 18 убитых и 45 раненых [26].

В это время В.Г. Короленко в Полтаве не было, он вернулся из столицы 23 декабря, и его сразу захватило это дело. Он разговаривал с крестьянами, собирал материал для большой статьи. Постоянный работник «Полтавщины» А.Б. Дерман вспоминал, что писатель «горел на этом деле... похудел, черты лица обострились, выражение гневной скорби не сходило с него» [21, с. 362].

Прежде чем опубликовать работу, Короленко прочитал ее в кругу лиц, близких к газете «Полтавщина». В него входило довольно много юристов. Писателя интересовал вопрос о последствиях опубликования письма [Там же. С. 342]. Письмо было написано талантливо и эмоционально. Так же, как и в статье «Полтавщины» от 23 декабря, Короленко ничего не писал о восстании в Сорочинцах, он описывал события как мирные действия граждан, обсуждающих манифест 17 октября: «В Сорочинцах собирались люди, говорили речи, думали, что это право дает им Манифест 17 Октября». Писатель обвинял власть в убийстве беззащитных людей, подробно описывал «кровавую бойню», устроенную казаками А.А. Бородина, убивавшими невооруженных людей. Но более всего

досталось «истязателю, насильнику, незаконнику» Ф.В. Филонову, действия которого, по мнению Короленко, подрывали идею о законе в государстве. Целью письма был вызов статского советника в суд [1]. Статья прямо не искажала фактов, но преподносила их предвзято, о части сорочинских событий не упоминалось вообще. Этот текст перепечатали и другие газеты края. Он имел необыкновенный резонанс. Письмо читали в Полтаве все, верили ему, поскольку «привыкли прислушиваться к каждому слову Короленко, как к слову учителя, смотреть на него, как на маяк и на путеводную звезду...» [27, л. 26]. Одна из читательниц В.Г. Короленко написала ему о том, что если раньше она сомневалась в правдивости корреспонденций «Полтавщины», то «после Вашего письма сомнений больше не может быть, Вашему слову должны верить» [28, л. 1 об.]. «Негодующую и страстную реакцию вызвало оно и в среде молодежи». Гимназисты в перерывах между уроками обменивались «гневными речами», «обсуждая неслыханные факты насилия над простыми людьми» [21, с. 332]. 14 января выпуск газеты «Полтавщина» был приостановлен.

Ф.В. Филонов прочел статью, будучи в командировке. Он вернулся в город в ночь с 16 на 17 января, дома его уже ждали анонимные письма с угрозами расправы [29, л. 1]. 17 января вице-губернатор вызвал к себе статского советника и порекомендовал ему ответить на письмо В.Г. Короленко, поскольку его «нельзя оставить без опровержения, так как им затронута служебная честь должностного лица». Филонов заметил, что «приготовил уже опровержение, которое в ближайшем будущем поместит в „Полтавском Вестнике“» [30, л. 1]. Д.А. Иваненко, редактор «Полтавского вестника», также сообщил позже, что Ф.В. Филонов забежал к нему после командировки и говорил, что собирается защищать себя против обвинений В.Г. Короленко [31]. Однако сделать этого он не смог, так как утром 18 января был убит выстрелом в лицо эсеровским боевиком на самой людной улице города без суда, на который звал его писатель. Убийца бежал [Там же]. 20 января весь город хоронил Ф.В. Филонова, у которого осталась беременная жена.

Консервативная общественность справедливо обвинила В.Г. Короленко в одностороннем освещении событий, приведшем к гибели

Ф.В. Филонова: «...Оттенили рельефно жестокость Филонова, едва скользнув по обстоятельствам, при которых они совершены. Искажение картины, искусственная группировка фактов...» [Там же]. Одна из читательниц Короленко писала ему: «Неужели Вам не пришло в голову, что, избивая так человека нравственно, Вы этим подвергаете опасности его жизнь, вызывая к нему бесконечное озлобление и возмущение, особенно в людях крайних убеждений?» [32]. Консерваторы считали Короленко «инициатором травли» и «первопричиной убийства». От писателя-гуманиста ждали, по меньшей мере, осуждения террора, если не раскаяния.

Хотел ли В.Г. Короленко убийства Ф.В. Филонова? Мог ли он думать, что дело закончится терактом? Конечно, Короленко не хотел убийства чиновника. В тексте открытого письма он заявлял, что зовет его на суд. На другой день после убийства статского советника Короленко писал своему другу Н.Ф. Анненскому: «Я поставил это дело гласно и широко, я хотел сделать этот случай предметом большой тяжбы между гласностью и беззаконием... В нашем крае письмо производило огромное впечатление: чиновничество всполошилось, как муравейник, общество (за исключением правового порядка) и крестьянство ободрялось... Я собирался об этом написать за границу – одним словом, я взял этот случай как типичный и намеревался всенародно или добиваться правосудия, или освещения нашего бесправия перед всеми. И отделаться от меня им было нелегко...» [33, с. 418]. Однако В.Г. Короленко вполне мог предполагать, что его письмо приведет к теракту. Он интересовался проблемой террора. С 1899 по 1911 г. писатель собирал газетные вырезки «Покушения и убийства» [34, 35]. С началом революции, когда террор приобрел невиданный размах, вполне можно было допустить, что опубликование письма, в котором называется фамилия чиновника, производящего «неслыханные насилия» над крестьянами, приведет к теракту. После убийства великого князя Сергея Александровича писатель записал в дневнике: «Это можно было предвидеть... после того как в глазах всего общества он стал оплотом реакции...» [22, с. 139]. В случае с Ф.В. Филоновым Короленко признавался, что он опасался теракта против него, «это носилось в воздухе». Более того, писатель почему-то полагал, что открытое

письмо спасет чиновника, что после письма боевики оставят его в покое [33, с. 418]. Выстрел террориста он расценил как «непрощенное вмешательство», расстроившее его планы: «Худшей услуги не мог оказать мне враг мой» [21, с. 343]. Короленко с досадой писал: «...Я старался, чтобы мой план стал широко известен, и не думаю, чтобы об нем не знали... И однако — наплевали на всё, считая, очевидно, что палить и палить, не разбирая даже обстоятельств, — единственная панацея... Выходит, что из моей статьи господ террористы сделали только обвинительный акт. Теперь я должен был приняться за других Филоновых, подражателей его примеру. Конечно, я этого уже не сделаю, потому что не хочу сделаться прокурором для смертных приговоров... Одним словом, я, как писатель, совершенно парализован. Это показывает мне еще раз и с особенной ясностью, как необходимо мне, в качестве писателя, отгородиться ясной и определенной чертой от партии с подобной тактикой. И я это, так или иначе, непременно сделаю. Я хочу быть самим собой и теперь буду очень дорожить устранением всяких двусмысленностей и недоразумений в этом отношении. У них своя линия, чужих приемов борьбы они признать не хотят, — ну, а я считаю, что могу кое-что сделать своими приемами, и не хочу, чтобы кто-нибудь их смешивал с „тактикой партии“... Вдобавок — и органически мне это чуждо» [33, с. 418–419]. Однако вслух писатель тогда террор не осудил.

Был ли виноват писатель в этом убийстве? Испытывал ли он раскаяние? Ф.В. Филонова убил эсер Д.Л. Кириллов, сын полтавского священника. Местная боевая организация эсеров приговорила чиновника к смерти еще до опубликования открытого письма Короленко [15, с. 18], так что формально писатель не виновен в этом теракте. Однако талантливо написанная статья, безусловно, послужила его катализатором. Она поставила точку в приговоре боевиков и ускорила его осуществление. Уже в день появления письма в Полтаве стали говорить, «что это приговор Филонову, теперь Филонову недобровать... А в день убийства и потом — трудно было в Полтаве встретить человека, который бы не ставил этого убийства в связь с роковым письмом. В гостиных, на базарах, на улицах, извозчики, прислуга — точно сговорившись, все сопоставляли имена Короленко и Филонова,

письмо и убийство. Весьма многие могли быть подвинуты письмом на преступление...» [36]. Действительно, Ф.В. Филонов был убит практически сразу по возвращении в Полтаву.

Для В.Г. Короленко настали тяжелые времена. Близкие ему люди, видевшие его в этот период, писали, что «он мало говорил и только изредка отрывочными фразами определял свое удрученное состояние» [21, с. 343]. Сам писатель описывал свое положение как «очень неприятное: Филонов еще не похоронен, а уже местный черносотенный орган „Полтавский вестник“ мечет на меня громы и молнии» [33, с. 419]. В отношении него и редактора «Полтавщины» Д.О. Ярошевича было начато судебное дело о клевете на Ф.В. Филонова. Однако ни осуждения террора, ни, тем более, раскаяния со стороны писателя не последовало. Письмо «бывшей почитательницы» Короленко назвал «глупым» [37, л. 85 об.] и сосредоточил все силы на борьбе за «свое доброе имя» [2, с. 179].

Во-первых, В.Г. Короленко полагал, что «никакой травли не было»: «...12 января появилось открытое письмо ст. сов. Филонову, а 14-го уже последовало по телеграфу распоряжение о приостановлении [выпуска] газеты. Таково первое опровержение фактов и кара за свободное слово» [37, л. 85]. Однако сам же писатель на другой день после убийства писал, что «Полтавщина» уже 13 января «выпустила новое издание в увеличенном размере, письмо перепечатали две киевские газеты, одна уездная („Зеньковец“), наверное, откликнулись бы столичные. От „Донской речи“ я получил по телеграфу просьбу разрешить отдельное издание» [33, с. 418]. «Травля» просто не успела развернуться за 5 дней.

В.Г. Короленко считал правильным то, что назвал имя «самонадеянного чиновника», поскольку хотел его «гласного суда и осуждения» [2, с. 192], так как Филонов истязал уже невооруженных людей: «...Я именно доказывал, что такой проклятой необходимости в данном случае не было... толпа стояла на коленях» [37, л. 58]. Молчать о тех «ужасающих насилиях», по мнению писателя, было бы «преступлением со стороны печати» [2, с. 202]. Своей точки зрения он не изменил. В 1907 г. в «Русском богатстве» вышла еще одна большая статья Короленко, опирающаяся уже на материалы следственного дела. Там он писал: «Я был ис-

кренне огорчен его смертью. Не из личного сочувствия — после всего изложенного я считал его человеком дурным и жестоким... а потому, что выстрел, погубивший Филонова, разрушил также то дело, которое я считал и считаю важным и плодотворным... законность и право — одинаковое для всех... Нет, выход не в молчании, а в правде! ...Я доказал, что говорил правду, не искажал фактов, освещая их по своему разумению и совести» [2, с. 203]. Эти слова можно считать косвенным осуждением террора, произнесенным писателем вслух. Однако многие сорочинцы впоследствии благодарили В.Г. Короленко именно за смерть Ф.В. Филонова [Там же. С. 204].

В.Г. Короленко виновницей случившегося называл власть, а себя — защитником обиженных: «Начальство не могло не знать, что проделывал Филонов. Начальство не захотело предавать суду истязателя, суд по одной своей инициативе — не мог, а вступать в конфликт с администрацией не захотел. Результат: очевидное бессилие закона и практическое бессилие печатного слова. Закрыта г. П[олтавщина]», «если бы его отозвали, известие о предании суду его или меня — остался бы жив» [37, л. 56–57].

Накал страстей в Полтаве в эти январские дни был большим. Общество разделилось на тех, кто осуждал В.Г. Короленко, и тех, кто считал его правым. В день похорон к писателю на квартиру «явились три офицера и, не застав, велели прислуге передать, что они приходили „наплевать Короленку в морду”». Правда, это был единственный случай. Но рабочие всё же поставили возле квартиры писателя охрану [Там же. Л. 92]. В день похорон «Полтавский вестник» напечатал ответное письмо Ф.В. Филонова В.Г. Короленко [38]. Позже Короленко обратит внимание читателей на то, что этот текст не опровергает «ужасающих фактов», а лишь пытается пошатнуть утверждение, что ни в Сорочинцах, ни в Устивице не было бунта, а значит, события 21–23 декабря — не акт «необходимости», а акт бессудного наказания и мести [2, с. 197]. Однако логика статьи Ф.В. Филонова была в другом. Он настаивал на том, что суровые и даже «жесткие меры», примененные им, были оправданны, поскольку он прибыл в Сорочинцы «не для следствия, это дело судебной власти, а для подавления мятежа, прекращения беспорядков» и приве-

дения «населения к повиновению властям». Порядок, который ему удалось установить, он рассматривал как залог сохранения «десятков человеческих жизней». Он указывал на то, что, подавляя бунт, опирался на действующие законы, а не на те, которые лишь были обещаны царским манифестом. Виновником всех этих трагических событий Филонов называл не власть, а агитаторов и революционные газеты, в частности «Полтавщину». Они «подрыывают авторитет власти, уничтожают всякое доверие к правительству, разжигают в некультурных массах дурные страсти», не призывая к открытому восстанию прямо, делают всё, чтобы его вызвать. Ответное письмо было написано не менее талантливо, чем письмо В.Г. Короленко, и, разумеется, не было «истерическим призывом к расправе, соединенным с жалкой попыткой оправдаться заведомо негодными средствами» [3, с. 297].

Однако позже выяснилось, что письмо написано не Ф.В. Филоновым. По всей видимости, чиновник действительно хотел написать опровержение, возможно, говорил об этом с сослуживцами, но сделать этого не успел. Его коллега Л.И. Ахшарумов показывал на следствии: «Вопрос о том, действительно ли Филонов был автором своего письма, я оставляю совершенно открытым, не имея никаких данных для его разрешения. Что же касается до того обстоятельства, что письмо прекрасно составлено по содержанию и по форме изложения, между тем как покойный Филонов не отличался литературными дарованиями, то весьма возможно, что он при редактировании письма пользовался чьим-либо содействием и указаниями» [30, л. 1]. «Полтавский вестник» мог бы напечатать подобное письмо «как бы» от имени погибшего чиновника, однако решил, что наибольший эффект в борьбе за общественное мнение будет иметь посмертное письмо самого Ф.В. Филонова. Когда в период следствия В.Г. Короленко потребовал подлинник письма, жена покойного стала выдумывать разные невероятные обстоятельства его утраты: «18 января муж отправился в губернское правление, имея в левом внутреннем кармане сюртука записную книжку, в которой были заметки по поводу сорочинских событий, а также вышеупомянутые клочки бумаги черновика письма. Вышепредъявленное письмо составил на квартире. В тот день он был

убит, причем убийца захватил ту книжку, а также черновики письма. Ввиду этого не могу предъявить черновики» [32, л. 1]. Это дало основание Короленко использовать письмо Филонова для борьбы с властью и консервативной прессой, обвиняя их в подлоге, грязной клевете, нечестных методах следствия и пр.: «Ахшарумов лебезит, конечно, потому, что рыльце у него в пушку с подложным письмом Филонова. Ввиду этого, полагаю, нам теперь надо по временам возвращаться к этому делу, чтобы, если состоится прекращение дела судебной властью — для всех было ясно смысл этого прекращения и в чью пользу оно делается [33, с. 242].

20 января В.Г. Короленко, чтобы не накалять страсти, уехал из Полтавы в Финляндию. Судебное следствие продолжалось без него. 25 января 1907 г. уголовное преследование по делу В.Г. Короленко и Д.О. Ярошевича было прекращено, писатель был оправдан. В заключении товарища прокурора окружного суда говорилось, что в целом В.Г. Короленко фактов не искажал, допустил лишь некоторые ошибки и неточности. Примерно верно изображено столкновение казаков и толпы, поведение Ф.В. Филонова в Сорочинцах и Устивице, где, действительно, некоторые крестьяне были избиты, у некоторых были отняты деньги, а сход казаки продержали на коленях 4 часа. В нем также отмечалось, что заявлений в прокуратуру о грабежах и насилиях не поступало. В вину писателю было поставлено «отсутствие беспристрастности» и наличие двух не соответствующих действительности событий: «толпа с агитатором» была изображена «чуть ли не мирно настроенной толпой, только и добывающейся судебного расследования степени вины арестованного Безвиконного», толпа, напавшая на казаков с оружием в руках, была изображена «как жертва кастовой мести со стороны чиновничества». Кроме того, товарищ прокурора отметил, что все действия толпы в Сорочинцах замалчивались В.Г. Короленко, зато с осо-

бой силой и яростью изображалась «преступная» деятельность Ф.В. Филонова и казаков. Этот прием писателя был назван в заключении «провокацией». Также он обратил внимание на то, что текст, описывающий события в Сорочинцах до прибытия Ф.В. Филонова, написан «вяло, кратко и тускло», «как не им писалось», «но зато вся сила автора сразу выступает на сцену, когда он начинает бичевать „ненавистного“ Филонова и казаков» [39, л. 37–39]. Однако за эти особенности литературных приемов писателя судить не стали.

В статье, напечатанной в «Русском богатстве», В.Г. Короленко не мог уже не написать о мятеже в Сорочинцах, но и здесь он попытался приуменьшить его размах: «В Сорочинцах под влиянием событий, а также речей заезжего „оратора“, в эти дни господствовало страшное возбуждение, звонили в набат, собирались толпами с косами и вилами...» [2, с. 173]. Писатель по-прежнему настаивал на том, что во всех событиях виновна власть.

Таким образом, на страницах полтавской либерально-демократической печати в преддверии открытия I Государственной думы шла настоящая информационная война, направленная против власти. Печать, используя примеры подавления революционных выступлений в крае, создавала негативное по отношению к власти общественное мнение, замалчивая факты революционного движения и преувеличивая жестокость власти в процессе его подавления. Она революционизировала край, способствовала размаху террора и мало помогала становлению правового государства. Талантливая публицистика В.Г. Короленко, направленная на борьбу с «беззаконием», на деле не смогла преодолеть этих установок либерально-демократической печати. Консервативная публицистика, включившаяся в информационную войну на стороне власти и пытавшаяся более объективно освещать события, проигрывала левой печати в борьбе за общественное мнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Короленко В.Г. Открытое письмо статскому советнику Филонову // Полтавщина. 1906. 12 янв.
2. Короленко В.Г. Сорочинская трагедия. (По данным судебного расследования) // Русское богатство. 1907. № 4. С. 172–205.

3. Миронов Г. Короленко. М.: Молодая гвардия, 1962. 368 с.
4. Балабанович Е. В.Г. Короленко. 1853–1921 / под ред. В. Бонч-Бруевича. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1947. 168 с.

5. **Лось Ф.Е., Спицкий В.Е.** История Украинской ССР: пособ. для 9–10 классов средн. шк. Киев: Рад. шк., 1972. 200 с.
6. **Турченко Ф.Г., Мороко В.Н.** Конец XVIII – начало XX века: учеб. для 9 кл. общеобраз. учеб. завед. Киев: Генеза, 2002. 424 с.
7. **Карасев П.С.** «Сорочинская трагедия» В.Г. Короленко (из истории очерка эпохи Первой русской революции) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1960. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 78–87.
8. **Памятная книжка и адрес-календарь Полтавской губернии на 1892 год.** Полтава: Изд-во Полтавского губерн. статист. ком-та, 1892. 246 с.
9. **Высший подъем революции 1905–1907 гг.** Ч. 3. Кн. 1 / сост. И.У. Будовнин, Г.М. Деренковский, В.А. Рогова [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 692 с.
10. **Революция 1905–1907 гг. в России.** Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 г. Ч. 1 / под ред. А.Л. Сидорова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 952 с.
11. **Полтавский голос.** 1907. 21 сент.
12. **Протоколы допросов по делу В.Г. Короленко и Д.О. Ярошевича** // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2106.
13. **Полтавский голос.** 1907. 22 сент.
14. **Пыжов Н.Н.** Сорочинское восстание 1905 г. Воспоминания руководителя восстания. М.: Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. 176 с.
15. **Трутовский В.** Сорочинская трагедия. С приложением рапорта «усмирителя» Филонова. М.: Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1926. 31 с.
16. **Иваненко Д.А.** Записки и воспоминания. 1888–1908 гг. Полтава: Полтавский голос, 1909. 285 с.
17. **Леонов М.И.** Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: Росспэн, 1997. 512 с.
18. **Полянский Н.Н.** Эпопея военно-полевых судов. М.: Изд-во политкаторжан. М., 1934. 112 с.
19. **Докладная записка графа И.И. Воронцова-Дашкова Николаю II.** 12 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 727. Оп. 2. 1905 г. Д. 89.
20. **Показания** пострадавших от насилий и грабежей в Сорочинцах // НИОР РГБ. Ф. 135. Оп. 34. 1906 г. Д. 2101.
21. **В.Г. Короленко** в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1962. 654 с.
22. **Короленко С.В.** Книга об отце. Ижевск: Удмурдия, 1968. 382 с.
23. **В.Г. Короленко.** Жизнь и творчество: сб. ст. / под ред. А.Б. Петрищева. Пг.: Мысль, 1922. 191 с.
24. **Полтавщина.** 1905. 23 дек.
25. **Полтавщина.** 1906. 1 янв.
26. **Преступление** в Сорочинцах (От нашего корреспондента) // Полтавский вестн. 1906. 5 янв.
27. **Письма** к В.Г. Короленко М.А. Коломенской // НИОР РГБ. Ф. 135/2. Оп. 25. 1907 г. Д. 73.
28. **Письмо** А.И. Рожиной к В.Г. Короленко // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2113.
29. **Протокол допроса** А.Н. Филоновой судебным следователем по делу В.Г. Короленко. 24 мая 1906 г. // НИОР РГБ. Ф. 135. Оп. 34. 1906 г. Д. 2104.
30. **Протокол допроса** Л.И. Ахшарумова судебным следователем по делу В.Г. Короленко. 24 октября 1906 г. // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2105.
31. **Полтавский вестник.** 1906. 19 янв.
32. **Письмо** В.Г. Короленко. Одна из Ваших бывших искренних почитательниц // Полтавский вестник. 1906. 21 янв.
33. **Короленко В.Г.** Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма. 1879–1921 гг. М.: Худож. лит., 1956. 717 с.
34. **Покушения** и убийства // НИОР РГБ. Ф. 135/3. Оп. 26. Д. 19–39.
35. **Покушения** и убийства // НИОР РГБ. Ф. 135/3. Оп. 27. Д. 1–38.
36. **Полтавский вестник.** 1906. 29 янв.
37. **К делу** Филонова // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2100.
38. **Полтавский вестник.** 1906. 20 янв.
39. **Заключение** товарища прокурора окружного суда Лебединского о прекращении уголовного преследования по делу В.Г. Короленко и Д.О. Ярошевича от 3 февраля 1907 г. // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1907 г. Д. 2108.

ПОРТНЯГИНА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

N.A. Portnyagina

V.G. KOROLENKO AND F.V. FILONOV: TO HISTORY OF ONE ACT OF TERRORISM

Article is devoted to extremely urgent and poorly studied problem in a domestic historiography. It is a problem of formation of public opinion about revolutionary terror in the Russian Empire during revolution of 1905–1907 and to its influence on scope of terror on the example of covering of the Sorochinsk events of the end of 1905 by the Poltava press. In a research chronological, historical and typological, historical and genetic, comparative methods of a research are used. Chronological framework of a research is limited by 1905–1907: from the beginning of a country revolt in Sorochintsakh, laid the foundation for information war in the press between liberal and conservative publicists and before publishing of the article of V.G. Korolenko in “The Russian wealth” which has put it an end. The historical and typological method allows to analyse the relation to the Sorochinsk events from the Russian public, to give classification of the main points of view on actions of the power and terror presented in the Poltava periodicals. The article based on archival documents most part of which is for the first time introduced for scientific use, and materials of periodicals of that time. In work the circumstances which have brought V.G. Korolenko’s articles (“The open letter to the councilor of state Filonov” and “The Sorochynsk tragedy”) to life are for the first time reconstructed. In the article the author proves that Poltava liberal-democratic press used these events in information war, which it waged with the power. The facts of revolutionary movement were hushed up by it, but cruelty of the power in the course of his suppression was exaggerated. It revolutionized region, promoted the scope of terror and helped the formation of the constitutional state a little. The talented journalism of V.G. Korolenko directed to fight against “lawlessness” actually could not overcome these installations of a liberal-democratic press. The conservative journalism, which has joined in information war on the party of the power, tried to cover events more objectively, however lost to the left press in fight for public opinion. The materials of the article can be used in the course of Russian history teaching at the highest and average schools.

V.G. KOROLENKO; F.V. FILONOV; “POLTAVSHCHINA”; TERROR; SOROCHYNSK TRAGEDY; SOROCHINETS; CONSERVATIVE PUBLIC; LIBERAL PUBLIC.

REFERENCES

1. Korolenko V.G. [Open letter to the Councillor of state Filonov]. *Poltavshchina*. 1906. Jan. 12. (In Russ.)
2. Korolenko V.G. [Sorochynsk tragedy. (According to judicial investigation)]. *Russkoye bogatstvo*, 1907, no. 4, pp. 172–205. (In Russ.)
3. Mironov G. *Korolenko* [Korolenko]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 368 p. (In Russ.)
4. Balabanovich Ye. *V.G. Korolenko* [V.G. Korolenko]. 1853–1921. Moscow, Gosudarstvennyy literaturnyy Muzey Publ., 1947. 168 p. (In Russ.)
5. Los’ F.E., Spitskiy V.E. *Istoriya Ukrainskoy SSR* [History of Ukrainian Soviet Socialist Republic]. Kiyev, Rad. shkola, 1972. 200 p. (In Russ.)
6. Turchenko F.G., Moroko V.N. *Konets XVIII – nachalo XX veka* [The end of XVIII – the beginning of the XX century: The textbook for 9 classes of institution of general education]. Kiev, Geneza Publ., 2002. 424 p. (In Russ.)
7. Karasev P.S. [“The Sorochynsk tragedy” of V.G. Korolenko (from the history of a sketch of an era of the first Russian revolution)]. *Vestnik of the Leningrad univ.*, 1960, no. 20. Ser. of history, language and literature. Pt. 4, pp. 78–87. (In Russ.)
8. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar’ Poltavskoy gubernii na 1892 god* [The memorable book and the address calendar of the Poltava province for 1892]. Poltava, Poltava provincial statistical committee Publ., 1892. 246 p. (In Russ.)
9. *Vysshiy podiyem revolyutsii 1905–1907 gg.* [The highest rise of revolution of 1905–1907]. Pt. 3. B. 1. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, 692 p. (In Russ.)
10. *Revolutsiya 1905–1907 gg. v Rossii. Dokumenty i materialy. Vysshiy podiyem revolyutsii 1905–1907 gg. Vooruzhennyye vosstaniya. Noyabr’ – dekabr’ 1905 g.* [Revolution of 1905–1907 in Russia. Documents and materials. The highest rise of revolution of 1905–1907. Armed revolts. November-December, 1905]. Pt. 1. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 952 p. (In Russ.)

11. *Poltavskiy golos*. 1907. Sept. 21. (In Russ.)
12. *Protokoly doprosov po delu V.G. Korolenko i D.O. Yaroshevicha* [Protocols of interrogations in the matter of V.G. Korolenko and D.O. Yaroshevich]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906. D. 2106.
13. *Poltavskiy golos*. 1907. Sept. 22. (In Russ.)
14. Pyzhov N.N. *Sorochinskoye vosstaniye 1905 g. Vospominaniya rukovoditelya vosstaniya* [Sorochynsk revolt of 1905. Memoirs of the head of revolt]. Moscow, all-Union society of political convict and SS-settlers Publ., 1929. 176 p. (In Russ.)
15. Trutovskiy V. *Sorochinskaya tragediya. S prilozheniyem raporta "usmiritelya" Filonova* [Sorochynsk tragedy. With the appendix of the official report of "suppressor" Filonov]. Moscow, all-Union society of political convict and SS-settlers Publ., 1926. 31 p. (In Russ.)
16. Ivanenko D.A. *Zapiski i vospominaniya. 1888–1908 gg.* [Notes and memoirs. 1888–1908]. Poltava, *Poltavskiy golos* Publ., 1909. 285 p. (In Russ.)
17. Leonov M.I. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg.* [Party of revolutionary socialists in 1905–1907]. Moscow, Rosspen Publ., 1997. 512 p. (In Russ.)
18. Polyanskiy N.N. *Epopeya voyenno-polevykh sudov* [Epic of court-martials]. Moscow, Political convict Publ., 1934. 112 p. (In Russ.)
19. *Dokladnaya zapiska grafa I.I. Vorontsova-Dashkova Nikolayu II. 12 oktyabrya 1905 g.* [Report of the count I.I. Vorontsov-Dashkov to Nicholas II. October 12, 1905]. RGIA. F. 727. Op. 2. 1905. D. 89.
20. *Pokazaniya postradavshikh ot nasiliy i grabezhey v Sorochintsakh* [Testimonies of victims of violence and robberies in Sorochintsakh]. NIOR RGB. F. 135. Op. 34. D. 2101.
21. *V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov* [V.G. Korolenko in memoirs of contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962. 654 p. (In Russ.)
22. Korolenko S.V. *Kniga ob ottse* [The book about the father]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1968. 382 p. (In Russ.)
23. *V.G. Korolenko. Zhizn' i tvorchestvo* [V.G. Korolenko. Life and creativity]. Petrograd, Mysl' Publ., 1922. 191 p. (In Russ.)
24. *Poltavshchina*. 1905. Dec. 23. (In Russ.)
25. *Poltavshchina*. 1906. Jan. 1. (In Russ.)
26. [A crime in Sorochintsakh (From our correspondent)]. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 5. (In Russ.)
27. *Pis'ma k V.G. Korolenko M.A. Kolomenkinoy* [Letters to V.G. Korolenko of M.A. Kolomenkina]. NIOR RGB. F. 135/2. Op. 25. 1907. D. 73.
28. *Pis'mo A.I. Roshchinoy k V.G. Korolenko* [A.I. Roshchinoy's letter to V.G. Korolenko]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906. D. 2113.
29. *Protokol doprosa A.N. Filonovoy sudebnym sledovatelem po delu V.G. Korolenko. 24 maya 1906 g.* [The protocol of interrogation of A.N. Filonova by the investigator in the matter of V.G. Korolenko on May 24, 1906]. NIOR RGB. F. 135. Op. 34. 1906. D. 2104.
30. *Protokol doprosa L.I. Akhsharumova sudebnym sledovatelem po delu V.G. Korolenko. 24 oktyabrya 1906 g.* [The protocol of interrogation of L.I. Akhsharumov by the investigator in the matter of V.G. Korolenko. Oct. 24, 1906]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906 g. D. 2105.
31. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 19. (In Russ.)
32. [V.G. Korolenko's letter. One of your former sincere venerators]. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 21. (In Russ.)
33. Korolenko V.G. [Collected works]. In 10 vol. Of vol. 10. Letters. 1879–1921. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956. 717 p. (In Russ.)
34. *Pokusheniya i ubiystva* [Attempts and murders]. NIOR RGB. F. 135/3. Op. 26. D. 19–39.
35. *Pokusheniya i ubiystva* [Attempts and murders]. NIOR RGB. F. 135/3. Op. 27. D. 1–38.
36. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 29. (In Russ.)
37. *K delu Filonova* [To Filonov's case]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906. D. 2100.
38. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 20. (In Russ.)
39. *Zaklyucheniye tovarishcha prokurora okruzhnogo suda Lebedinskogo o prekrashchenii ugolovnogo presledovaniya po delu V.G. Korolenko i D.O. Yaroshevicha ot 3 fevralya 1907 g.* [The conclusion of companion prosecutor of district court Lebedinsky about the termination of criminal prosecution in the matter of V.G. Korolenko and D.O. Yaroshevich of February 3, 1907.]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1907. D. 2108.

PORTNYAGINA Natalya A. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: n.portnyagina@spbu.ru